

ИЗ БЕРЛИНА они направились в Висбаден, откуда Есенин написал Шнейдеру:

«Милый Илья Ильич! Привет вам и целование. Простите, что так долго не писал вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ноги. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать».

Если бы Изадора не была сумасбродной и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем, в перспективе около 400. У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс. марок. Такая же история может случиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены. На деньги в банке наложен арест. Сейчас туда она отправилась спешно одного ей близкого человека. Знаменитый Поль Вонкур не только в чем-нибудь помог ей, но даже отказался дать подписи для визы в Париж. Таковы ее де-

настолько неподражаема, что воспроизвести ее на другом языке не удастся никогда. Даже на русском его стихотворение, прочитанное со сцены, казалось гораздо более притягательным, чем те же строки, но сошедшие с книжных страниц. И вот этот чистый родник мне предстояло замутить...

Однажды я поинтересовалась, почему он так стремится перевести свои стихи именно на английский.

«Разве не понятно, — ответил Есенин, искренне удивленный моим вопросом, — сколько миллионов узнают меня, если стихи выйдут на английском? Сколько людей прочитают меня на русском? Двадцать миллионов, может, тридцать... Все наши крестьяне безграмотны... Но на английском! Он развел руки, глаза его блестели».

Фредрика БЛЕЙР

АЙСЕДОРА

ла. Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерика.

«Ради бога, отыщите мою сестру через магазин (оставьте ей письмо) и устроите ей получить деньги по этому чеку в АРА, она, вероятно, очень нуждается. Чек для Иры только пробный. Когда узнаем, что вы получили его, тогда Изадора пошлет столько, сколько надо. Если сестры моей нет в Москве, то напишите ей письмо и передайте Мариенгофу — пусть отошлет его ей. Кроме того, когда вы поедете в Лондон, вы позовите ее к себе и запишите ее точный адрес, по которому можно было бы выслать ей деньги, без которых она погибнет».

«...О берлинских друзьях я мог бы сообщить очень замечательное (особенно о некоторых доносах во французскую полицию, чтобы я не попал в Париж. Но все это после, сейчас жаль нервов). Жму вашу руку».

До скорого свидания, любящий вас Есенин.

Ирма мой нижайший привет. Изадора вышла за меня замуж второй раз и теперь уже не Дункан-Есенина, а просто Есенина».

СУПРУГИ затруднялись общаться без переводчика, а Шнейдер все никак не приезжал. Поэтому в Висбадене они пригласили молоденькую помощницу Лолу Кинель, владеющую как русским, так и английским языком.

В книге своих воспоминаний «Это меня касается» Кинель рассказывает о первой встрече со своими подопечными, происшедшей в гостинице:

«Полная, средних лет женщина, в оранжево-розовом халатике, изящно раскинувшись, полулежала на кушетке... Когда через минуту она поднялась и начала передвигаться по комнате, я увидела, что полнота и возраст отступили: она стала прекрасной с ее врожденной изумительной грацией. Это была Айседора. Спустя некоторое время из спальни вышел молодой мужчина в белой шелковой пижаме. Он походил на русского танцора, из американского водевиля: светло-золотые вьющиеся волосы, доверчивые глаза васильковой голубизны и уверенные движения крепкого, мускулистого тела. Так я познакомилась с Есениным. Позже я узнала, что он не всегда выглядел таким простодушным. Обладая природным умом, он временами оставлял впечатление человека хитрого и подозрительного. И еще Есенин был очень чувствительным, совсем как ребенок, озорной и закомплексованный — поэт и крестьянин в одном лице».

Поскольку ни жена, ни муж в свое время не изучили того языка, который бы теперь мог стать средством их общения, новоиспеченная помощница сразу оказалась посвященной во все тайны интимной жизни обоих супругов.

Есенин, обрадованный возможностью поговорить по-русски хоть с кем-нибудь, тут же стал рассказывать мисс Кинель о своем детстве и первых литературных опытах.

Это был тот вдохновенный, беззащитный человек, которого Айседора любила и оберегала и которого сам Есенин надежно прятал под непроницаемой оболочкой своего второго «я»: «...обычный Есенин, вкрадчивый, уклончивый, скрытный, с лукавыми глазами, разыгрывающий из себя дурачка». Довольный, что Лолу Кинель до слез взволновали прочитанные им стихи, Сергей попросил перевести их на английский.

«Я не тешила себя надеждой... Зато смутилась и сильно испугалась. Ведь выполнить его просьбу было так же невозможно, как и кощунственно. Поэзия Есенина глубоко лирична: это музыка, выраженная языком русских слов и русской фонетики,

Книга американской журналистки Фредрики Блейр «Айседора» была издана в 1986-м году в Нью-Йорке. Как выяснилось после консультации в Библиотеке иностранной литературы и Всесоюзном есенинском обществе «Радуница» (председатель Николай Юсов), в Советском Союзе она прежде не издавалась. Уникальное исследование Фредрики Блейр, содержащее ряд новых сведений, затрагивает трагическую тему Сергея Есенина — Айседоры Дункан.

Сергей страстно мечтал добиться всеобщего признания на Западе. Он, зная себе цену, даже в России ревностно относившийся к своей славе, теперь бесновался, чувствуя, что его воспринимают как молодого мужа Айседоры, ее последний каприз.

Как-то, обращаясь к Айседоре, он попросил Лолу Кинель перевести:

«Балерина никогда не сможет стать настоящим великой, потому что ее слава умирает вместе с ней». — «Нет, — сказала Айседора, — ведь балерина, если она действительно гениальна, дает людям нечто такое, что остается с ними надолго. Они никогда не забудут ее искусство, составляющее пусть не всегда осознанно, но все-таки по-новому взглянуть на вещи».

«Ты всего лишь танцовщица. Правда, люди приходят и восхищаются тобой — даже кричат от восторга. Но правда и в том, что после смерти Айседоры Дункан никто о ней не вспомнит. Через несколько лет от твоей громкой славы не останется и следа... нет, Изадора».

Есенин говорил по-русски, и только последние два слова, брошенные Айседоре в лицо, произнес на английский манер, сопроводив их очень выразительным, насмешливым жестом, как будто развевал по ветру останки ее бременного тела.

«Вот поэты не умирают, — продолжал он, улыбаясь. — Я, Есенин, оставлю после себя стихи. И они не забудутся. Такие стихи бессмертны».

Было ясно, что он хочет подразнить Айседору. Но даже за насмешливой интонацией угадывалось поразительное бессердечие. Тень пробежала по лицу Дункан. Внезапно она повернулась ко мне, голос дрогнул:

«Скажи ему, что он ошибается. Скажи ему — он ошибается. Я дарила людям красоту. Я танцевала, отдавая им все самое сокровенное. Это очарование не умрет. Оно сохранится где-нибудь...» Неожиданно на глаза навернулись слезы, и она добавила на ломаном русском: «Красота не умирает».

Но Есенин, вполне удовлетворенный воздействием своих слов на Айседору — в нем часто просыпалось нездоровое желание побольнее уколоть или принизить ее, — был уже сама предупредительность. Привычным движением он притянул к

себе ее кудрявую голову и похлопал по спине, прошептав ириго: «Эх, Дункан». Айседора улыбнулась. Все было забыто.

Популярность Есенина в России как революционного поэта отнюдь не оградила его от нападков цензуры. Широко улыбаясь, он говорил Кинель:

«Вы знаете, большевики запретили Бога в печати. Они даже издали какой-то указ. Однажды, когда я послал в журнал несколько стихотворений, редактор вернул их с требованием заменить всех Богов другими словами... Представляете? Другими словами!».

Я засмеялась и спросила, что же произошло дальше.

«Я просто прихватил с собой в редакцию ружье и вежливо так подсказал человеку, что пусть, мол, он печатает с Богом, можно даже с Указом. Он не захотел. Тогда я поинтересовался, ясно ли он представляет смысл выражения «кушать рылом землей». Человек представлял, большим любителем русского языка оказался. После этого оставалось только сходить в наборный цех и вернуть Бога на свое место. Что я и сделал».

Вошла Айседора. Я вкратце объяснила, о чем разговор. На минуту она задумалась, а затем, к моему удивлению, сказала по-русски:

«Но большевики правы. Не надо Бога. Старо. Глупо».

Есенин ухмыльнулся и с легкой иронией произнес, словно обращаясь к маленькой девочке, которая изо всех сил старается выглядеть умной и взрослой: «Эх, Изадора! Все ведь от Бога. И поэзия, и даже твои пляски».

«Нет, нет, — с чувством ответила Айседора, уже на английском. — Скажи ему, что два моих Бога — Красота и Любовь. Других нет. Откуда ты знаешь, что такое Бог? Давным-давно греки знали. Люди славы, вот и придумывают каждый своих Богов. А других нет. Да и вообще, есть ли что-нибудь вне наших представлений, познаний и размышлений. И ад, и рай — все здесь, на земле».

Стояла она прямо, точно кариатида, — прекрасная, величественная и грозная. Вдруг протянула руку и, указывая на постель, добавила по-русски с потрясающей силой:

«Вот Бог».

Однажды мисс Кинель не отправила несколько телеграмм Есенина, предназначенных Айседоре. Памятуя о тяжелом состоянии, в котором находился поэт, диктуй свои незадачливые послания, благовоспитанная девушка считала это неразумным. Вскоре Айседора с сожалением сообщила ей о расторжении договора, поскольку она лишилась доверия Есенина. Дункан говорила с такой печальной покорностью, что Лола Кинель не могла не посочувствовать ей.

Супруги покинули Висбаден и проехали через всю Германию (в Веймаре они посетили домик Гете) и дальше в Брюссель и Остенде. Из Брюсселя Есенин писал Шнейдеру:

«...Если бы вы меня сейчас увидели, то вы, вероятно, не поверили бы своим глазам. Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября. Все далось мне через тяжелый неврит и неврастению, но теперь и это кончилось. ...В субботу, 15 июля, мы летим в Париж...».

Милый, милый Илья Ильич! Со школой, конечно, в Европе вы произведете фурор.

С нетерпением ждем вашего приезда. Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне очень больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая окружает ее. Когда приедете, воздух немного проветрится».

К вам у меня очень и очень большая просьба: с одними и теми же словами, как и в старых письмах, когда поедете, дайте ради Бога денег моей сестре.

Это моя самая большая просьба. Потому что ей нужно учиться...».

Айседора мечтала совершить гастрольную поездку по Соединенным Штатам с учениками своей школы. И с помощью Сола Юрка даже сделала для этого все необходимые приготовления.

Однако летом из Москвы пришло уведомление о недопустимости выезда маленьких детей из страны Советов. Айседора пришлось ехать без них. Из Парижа Есенины отправились в Венецию, где остановились в замечательной гостинице «Эксельсиор». Здесь они случайно встретили старого знакомого, русского музыканта Сашу Вотиченко. Приятель Айседоры, Вотиченко сначала воспринял его примерно так же, как в свое время Горький жену поэта.

Но стоило Есенину начать читать стихи, и музыкант, очарованный его поэзией и необычайно выразительным голосом, смотрел на Сергея уже совсем другими глазами.

В конце лета Есенины возвратились в Париж. Наконец, в сентябре, настал тот день, когда Айседора, Сергей и их новый секретарь Владимир Ветлугин взойшли на палубу корабля «Парис» и отплыли в Нью-Йорк.

Перевод с английского
Валерия МЕШАКИНА.